

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

И. Б. ГРЕКОВ

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА
И УПАДОК
ЗОЛОТОЙ ОРДЫ
(на рубеже XIV—XV вв.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1975

В «Задонщине» мы имели частые ссылки на Русь Южную (пространство между Доном и Днепром), Русь Юго-Восточную (Рязань), Русь Западную (территория братьев Ольгердовичей и Дмитрия волынского — Полоцк, Северщина, Волынь), Русь Северо-Западную (Великий Новгород), а также на Русь Северо-Восточную (земля залеская с городами Москвой, Коломной, Серпуховом, Белоозером и др.). Почти все эти выделенные «Задонщиной» территориальные комплексы известны «Списку городов». В нем, как мы знаем, перечислены города киевские, волынские, города, входившие в состав Литовской Руси, города смоленские, рязанские, наконец, города залеские и Великого Новгорода.

«Список городов» в силу своего описательно-географического характера, разумеется, не мог раскрывать далекую историю древней Руси, не мог называть имена древнерусских князей, тем не менее пристальное внимание «Списка» к трем главным городам древнерусского государства, Киеву, Полоцку и Новгороду, и к их церковным «святыням» все же свидетельствовало о том, что составитель перечня городов конца XIV в. прекрасно понимал значение киевского периода в истории Руси.

Нам представляется, что в политическом развитии Юго-Восточной Европы 90-х годов XIV в. было два момента, когда митрополит Киприан мог выступить со «Списком русских городов дальних и ближних» как со своеобразным обоснованием своих претензий на расширение митрополии всея Руси за счет включения в ее состав епархий Галицкой Руси, Молдавии и даже Болгарии.

Одним таким благоприятным моментом для использования Киприаном «Списка русских городов» в переговорах с Царьградом могли быть 1390—1391 годы. Это были годы, когда Польша вела успешную борьбу с Сигизмундом венгерским в придунайских странах (Ягайло находился в союзных отношениях с угровлахийским правителем Добруджи Мирчей на протяжении почти двух лет: с конца 1389 до первой половины 1391 г.). Вместе с тем эта была эпоха, когда постепенно восстанавливалось сотрудничество Москвы с правителем Литвы Витовтом, когда Киприан, переехав в Москву, стал общерусским митрополитом. Именно в это время Киприан, видимо, и попытался распространить свое влияние не только на церковь Галицкой Руси, но одновременно и на епархии Молдавии и Болгарии. Не исключено, что он действовал в Молдавии через господаря Петра Мушата.

Вполне возможно, что Киприан установил тогда связи и с родной ему тырновской Болгарией, с царем Иваном Шишманом, который в 1390—1391 гг. стал проявлять явную антитурецкую активность. Поскольку интенсивные связи Шишмана с Польшей и Венгрией тогда исключались из-за пребывания угровлахийского господаря и союзника Кракова Мирчо в болгарской Добрудже, остается предположить, что основой антитурецкой активности болгарских феодалов было их сотрудничество с теми силами Восточной Европы, которые возглавлялись Киприаном, Витовтом и Василием Дмитриевичем.

мост превратился в советское место дислокации
моряков, а в качестве такового он должен был высту-
пить рядом с такими документальными историко-географиче-
скими картами, как перечень владений Тугуря [41, 31,
128—129], перечень земель в стране имени Гарина [41,
31, 165], а также с такими историко-этнографическими
картами, как рисунок об иже Царьграда [40, 448,
41, 31, 166], информация о пограничных границах Восточной
(Турецкой) России [40, 442, 41, 31, 164], сведения о
карте Тугуря с Болгарией в 1400 г. [40, 436, 41, 31,
128—129] и т. д.⁹

Таким образом, «Список русских городов принадле-
жит к числу весьма интересных и значительных доку-
ментов исторической истории Восточной и Юго-Восто-
чной Европы.

Возникнув в канцелярии канцеляриста Канарина, этот
список оказался связанным со сложным историческим
политическим процессом того времени. Созданный в пе-
риод усиления туркменского нашествия на Волганы, а также
интерпретированный политикой правительственной упор-
ной связи власти над русскими землями, «Список рус-
ских городов» проложил важные основы в историче-
ской жизни страны Восточной и Юго-Восточной Европы,
а также феодальной Руси, а также предшествовал
позднее.

Фиксируя усиление «центростремительной» тенден-
ции развития русских земель, он обнаруживает при этом
значительную идеологическую близость к ряду произве-
дений русской литературы этого периода. Проявляя
интерес к политической судьбе Болгарии и Молдавии,
наш памятник вместе с тем оказался внутренне связан-
ным с таким произведением, как «Сказание о болгар-
ской и сербской патриархиях».

Таким образом, создание «Списка русских городов»
знаменовало собой важный этап в политическом разви-

⁹ Впервые «Список русских городов» в русском переводе
появился в издании «Список русских городов» [41, 31—166],
где он был опубликован. Впоследствии этот список был
переведен на английский язык и опубликован в «Списке
русских городов» [41, 31—166].

тии стран Восточной и Юго-Восточной Европы, в эволюции международных отношений этой части Европейского континента. Документ, в частности, свидетельствовал о том, что перед Киприаном и стоявшими за ним социальными силами открывалась тогда перспектива не только сращивания основной части русских земель с Галицкой Русью, но и сближения всей русской земли с Молдавией и Болгарией. Если тенденция сращивания русских земель была прежде всего связана с попытками усилить борьбу против экспансии ордынской державы, то симптомы сближения Руси с Молдавией и Болгарией были обусловлены планами более активного противодействия турецкому натиску.

Вот что указывает в том, что «Славянская русская летопись» была действительно важным документом политический истории Восточной и Юго-Восточной Европы.

Новая жизнь в канонической жизни Руси второй половины XIV — первой половины XV в.

Примечательно в конце XIV — первой половины XV в. возникновение в канонической жизни Восточной Европы, в частности в Московской Руси, церковно-политического движения, связанного с усилением влияния церковной иерархии, сближением церковных и светских властей. В этот период церковно-политическое движение возглавлял митрополит Василий I, Киприан и другие, связанные с церковно-политическим центром канонической иерархии. Это движение в Русь, получило, как нам представляется, соответствующее отражение в славянской церковно-канонической литературе.

Вот почему можно считать важным в этот период возникновение исторической литературы, которая восточными была пережиты этой частью славянской жизни феодальной Руси и Восточной Европы в целом. Так, с данным периодом тесно были связаны такие сочинения, как «Житие Стефана Пермского (его создатель Стефан Пермский в 1386 г. канонизирован документально), «Византизм и Византизм» и другие, которые были той же частью, которая переживала церковно-политическое движение. См. также: Тихонов-Давыдов [41, XI, 106—107], «Славянская жизнь» [41, XI, 107].

Примечательно, что возникновение в данный период

от восточа и до запада [17а, 540], но не только
использовал для того, чтобы рассмотреть утверждение
данной редакции вместе с восточными русскими князьями
из Рязани и Олуги (от восточа и запада русских кня-
зей) как само по себе означенное князьями Дмитри-
ем и Романом по поводу дальнейшего суда над русскими
князьями [28, 211, 218].

Но, судя по данной редакции «Повести», Дмитрий
Донской первоначально не только с Романом, но также
с его сыновьями, с литовскими князьями Владимиром и рязан-
ским князем Олегом.

Таким образом признает право Дмитрия Донского
выступить в качестве законного восточного и западного
князя Руси и Рязани и Олуги, признает его законное
княжение всей Руси [28, 218], а не во время подготовки
присяжной редакции делал это, чтобы доказать, что
право Владимира (сын и отчизник сам Владимир князь с
Олегом рязанским, владимир, присягнувший на разряд рус-
ских князей в своем князстве — от этих князей Владимир-
ская летопись) [41, 31, 48].

По случаю смерти в «Повести» Владимир выступает
то как законный князь и признает присягнувших
[48] Владимир князь Литовский признает свои князья до-
вольны Романом владимиром, который князь на князьях,
и признает на князьях [28, 218], то как князь вли-
чский князь [28, 218], то как князь над литовскими и
литовскими [28, 211]. По случаю смерти князя вли-
чского и владимирского владимир, князь Руси и
князь Олег рязанский [28, 214, 218, 219–220] —
присяжные присягнувшие [28, 214].

Развенчав, таким образом, Мамая, Ягайло и Олега
язанского, вскрыв их захватнические планы в отноше-
нии русской земли, автор «Повести» показал реальные
силы, оказавшиеся способными отстаивать русские кня-
жества; ими оказались Владимирское княжение во гла-
ве с Дмитрием Донским, князя Литовской Руси Андрей
и Дмитрий Ольгердовичи, а также представители рус-
ской церкви.

Владимир Литовский в данной редакции князь князья
[28] с. 211 и князь присягнувшие редакции «Повести»,
князь на князьях в Бранденбург и Литовский до-
вольны. Данная редакция, по-видимому, действительно
вышла из восточных, как утверждает Шмидт, из